
ГЛАВА 1

Когда пошел дождь, они не стали ускорять шаг, не обращая внимания на крупные капли, падающие сверху. Автомобиль свернул на повороте, высадив обоих друзей достаточно близко к дому, где находился их офис. Со стороны это было неприметное здание, находящееся в одном из дворов на проспекте Мира. Обычно машина высаживала их на углу, не подъезжая к офису, чтобы не привлекать внимания соседей. Двое приехавших мужчин редко бывали здесь. В основном в офисе работали Леонид Кружков и его супруга, выполнявшая обязанности секретаря. Вдвоем они занимались всеми техническими проблемами. Тогда как Дронго и его напарник Эдгар Вейдеманис предпочитали принимать гостей в московской квартире Дронго, в которой он проживал один.

Но сейчас оба напарника спешили на встречу с необычным посетителем, настаивавшим на подобном свидании уже почти два месяца. Все началось с того, что однажды незнакомец позвонил Вейдеманису, узнав неизвестно каким образом его телефон, попросил о срочной встрече, не называя своего имени и цели своего возможного визита. Эдгар вежливо пояснил, что Дронго нет в Москве. Назойливый посетитель перезвонил через две недели, опять не представившись и не назвав причину своего звонка.

Вейдеманис снова ответил, что его напарник находится в Италии и прибудет только через две недели. Неизвестный требовал дать ему номер телефона эксперта, но Эдгар отказался, сказав, что не может этого сделать. Мужчина звонил еще несколько раз, а три дня назад во время очередного звонка сообщил, что знает о приезде господина Дронго и просит принять его по неотложному делу. На этот раз он представился, назвавшись Ягмыром Пурлиевым.

Было решено принять его в здании офиса на проспекте Мира, куда и направлялись двое напарников, чтобы познакомиться с на-

зойливым незнакомцем. Ровно в полдень за дверью появился мужчина лет пятидесяти, среднего роста, достаточно тучный, коротко остриженный, с характерным разрезом азиатских глаз. У него были мясистые, немного оттопыренные уши, густые брови, тяжелый подбородок, полные губы. Уже по его имени и фамилии Дронго понял, что необычный визитер — выходец из Туркмении. Слово «Ягмыр» означало по-туркменски «дождь». Он сидел в кабинете, когда Вейдеманис вместе с гостем появились на пороге. Дронго поднялся, пожал гостю руку, и мужчины расселись в кресла.

— Я вас слушаю, — сказал эксперт, заметив при этом: — Вы проявили достаточно большую настойчивость, пытаетесь встретиться со мной.

— Верно. Мне было просто необходимо с вами встретиться. И с каждой неделей необходимость такой встречи только возрастала. Мне кажется, что только такой человек, как вы, может помочь мне и моей семье.

— Давайте по порядку, — предложил Дронго. — Какое у вас дело и чем именно я могу вам помочь?

— Я из Туркмении, — начал гость, — работал там заместителем министра экономики. Но десять лет назад я оттуда сбежал. Чудом сбежал. Тогда было совершено покушение на жизнь нашего бывшего президента Сапармурада Ниязова. И в этом покушении обвинили целую группу высокопоставленных чиновников, среди которых были министр иностранных дел Борис Шихмурадов и министр сельского хозяйства Имамберди Ыклымов. В число «заговорщиков» случайно попал и я. Уже тогда все понимали, что это просто очередная кампания по избавлению от неугодных людей, которых «Великий вождь всех туркмен» решил поменять. Меня объявили в международный розыск вместе с несколькими чиновниками, которым удалось сбежать. Остальных арестовали. Как мне удалось бежать, об этом лучше не вспоминать. Это настоящий детектив. Я удрал практически в одном костюме. К счастью, в этот момент моя супруга с дочерью были в Европе, и мне удалось перехватить их, пока они не вернулись назад, в Ашхабад. С тех пор мы и живем в Москве.

Вот уже сколько лет. В общем, обычная история политического эмигранта.

— И вы не пытались вернуться обратно в Туркмению после смерти Туркменбаши? — спросил Дронго.

— Нет, конечно, — ответил Пурлиев, — разве вы не знаете, что там ничего не менялось. Одного Туркменбаши сменил другой. Некоторые уверяют, что это был его внебрачный сын. Они действительно очень похожи. Но я думаю, что это обычные слухи. Просто Бердымухаммедов был любимчиком Ниязова. Иначе он бы не стал министром здравоохранения и вице-премьером. Знаете, что такое должность министра здравоохранения в такой мусульманской стране, как наша? Это «хозяин жизни», который знает много секретов, в том числе и про истинное состояние здоровья очень больного Ниязова. На должность министра здравоохранения обычно назначают либо близких людей, либо родственников. Все знали, что у Ниязова был тяжелый диабет и проблемы с сердцем. Но он пытался держаться молодцом, строил планы на много лет вперед.

«Великий вождь» был очень «скромным человеком». Он отказался от шестого звания Героя Турмении, решив, что достаточно быть пятикратным. В конце концов переплюнуть Брежнева ему не захотелось. Вы, наверное, слышали, что он отменил Восьмое марта, перенеся женский праздник на день рождения своей матери. Может, даже слышали про нашу Конституцию со словами верности Туркменбаши. И это в двадцать первом веке!

— Обычная мусульманская страна со своим диктатором, — улыбнулся Дронго, — ничего отличного от других республик Средней Азии. Может, только культ был немного смешным. Я читал его опусы. Покойный Туркменбаши всерьез уверял, что колесо и телегу изобрели туркмены, и вообще туркмены являются прародителями более чем семидесяти народов. Такой вот великий народ. А потом он своим указом закрыл оперу, балет и цирк, пояснив, что туркменам не нужны эти виды искусства, упразднил творческие союзы и закрыл библиотеки. Как видите, я знаю достаточно о вашей республике.

— Я так и думал, — кивнул Пурлиев, — поэтому и искал такого известного эксперта, как вы. Практически все знакомые прокуроры и следователи уже здесь, в Москве, уверяли меня, что вы самый лучший сыщик.

— Давайте более конкретно, — предложил Дронго.

— Конечно. Вам будет гораздо легче понять, что именно происходит с нашей семьей. В последние несколько месяцев я чувствую, что за мной следят. Видимо, новый «Вождь» решил послать сюда своих агентов, чтобы выкрасть меня или членов моей семьи и попытаться вернуть обратно в Ашхабад. Я даже думаю, что речь идет не столько обо мне, сколько о моих жене и дочери. Меня взять живым им не удастся, а вот если они возьмут кого-то из членов моей семьи, мне придется вернуться. Если вы помните, в Ашхабад добровольно вернулся бывший министр иностранных дел Борис Шихмурадов. Говорили, что в заложниках у власти были его близкие люди. И когда он появился, сразу состоялся публичный процесс в стиле тридцатых годов. На нем бывший министр иностранных дел «признавался»

во всех несуществующих грехах. Говорил, что мы действительно преступная группа и в нас нет ничего человеческого. В общем, эти мерзавцы заставили его исполнить свою роль до конца, — жестко добавил Пурлиев.

— А вы ничего подобного не делали и пострадали случайно? — пытаюсь избежать сарказма, произнес Дронго.

— Полагаю, что да. Ни в каких заговорах я не замешан. Ни в каких антиправительственных кампаниях не участвовал. Я был близок к некоторым министрам, и это меня погубило. Десять лет назад мне было только тридцать пять, и я считался одним из самых перспективных политиков в нашей стране. Но меня всего лишили — дома, работы, родителей — и выкинули из страны без ничего.

— И где вы обитаете в Москве?

— В Жуковке. Мы купили там небольшую дачу.

— Понятно. И вы считаете себя несправедливо обиженным, за которым сейчас идет охота туркменских спецслужб?

— Да, — кивнул Пурлиев, — поэтому пришел к вам просить о помощи. Сейчас понимаю, что нужно было действительно

бороться с этим преступным режимом. Это был просто перевернутый мир. И мы молчали, никак не протестуя, — с нарастающим ожесточением добавил он.

— И теперь вы стали оппозиционером, — не скрывая иронии, заметил Дронго.

— И непримиримым, — подтвердил Пурлиев, не обращая внимания на сарказм своего собеседника. — Уже здесь, в Москве, я осознал, в чем именно состоит мой долг. Мы будем бороться до конца с этим преступным режимом. Теперь дети в школах изучают не дебилские тексты бывшего диктатора, аopus нынешнего президента «К новым высотам прогресса». Все повторяется по кругу.

— И в случае с оппозиционерами тоже, — неожиданно согласился Дронго. — Дело в том, что я встречал много подобных оппозиционеров из бывших чиновников и функционеров, которые становились непримиримыми оппонентами действующей власти, как только их лишали занимаемых постов и соответственно денежных доходов. Так происходит во многих республиках бывшего Союза. Пока чиновник или депутат у власти, он клянется в верности существую-

щему режиму и президенту. Какие только слова он не готов говорить в адрес правителя, какие заявления в своей верноподданности делать. Но как только его лишают этой власти и бюджетной кормушки, откуда он черпает свои несправедливые доходы, он сразу переходит в оппозицию. Вы не можете себе представить, сколько бывших министров и депутатов я знаю, которые «прозревают», лишившись своих постов, и сразу начинают говорить о демократии и справедливости. Причем чем больше они получили на прежней должности, тем сильнее их досада и разочарование и с тем большей яростью они готовы драться за свои утраченные привилегии и деньги. Вам не кажется, что у вас похожий случай?

— Почему вы так решили? — нахмурился Пурлиев.

— Посмотрите на свои часы. Это ведь «Вашерон Констант». Такая модель стоит около сорока тысяч евро. И еще вы живете в Жуковке, на небольшой даче, как вы сказали. Любая недвижимость в этом поселке начинается с миллиона долларов. Сколько стоит ваш участок? Два, три, пять миллионов?

— Я бизнесмен, — возразил Пурлиев, — и у меня хороший бизнес.

— Не сомневаюсь. Учитывая, что десять лет назад вы сбежали в одном костюме, оставив все в Ашхабаде. Когда вы купили свой дом в Жуковке? Только откровенно, иначе я не буду с вами вообще разговаривать. Учтите, что это легко проверить.

— Девять лет назад, — нехотя выдавил Пурлиев.

— Тогда получается, что вы за год заработали деньги на дом в Жуковке, — усмехнулся Дронго. — Значит, вы либо торговали наркотиками, либо получили нефтяную скважину.

— Не нужно меня оскорблять, — возмутился Пурлиев, — я бизнесмен..

— Это я уже слышал. Вы пришли к нам за помощью. Если мы не будем доверять друг другу, то ничего не получится. Вы даже не можете себе представить, сколько известных людей я знаю в Баку, Тбилиси или в Астане, которые, сидя на бюджетных должностях и успешно воруя государственные бюджетные средства, были верными сторонниками правящих кругов. А как только их отстраняли

от кормушки, они превращались в борцов с правящими режимами. Человеческая порода неизменна в своих худших проявлениях. Это в данном случае не к вам, это вообще мои рассуждения о подобных «политиках». Вы, очевидно, имели счета за рубежом, о которых не знали в Ашхабаде? Только не отрицайте очевидного, вы ведь были «бизнесменом», еще работая заместителем министра?

— Никто не возражал против того, чтобы мы занимались бизнесом, — негромко произнес Пурлиев, — это было уже не социалистическое общество.

— Прибыль — прежде всего, — кивнул Дронго, — все понятно. Где вы сейчас работаете?

— У меня небольшая инвестиционная компания, — уклончиво ответил гость, — не очень крупный бизнес. Только девятнадцать сотрудников. Но на жизнь удастся заработать, с голоду мы не умираем.

— Понятно. А чем именно вы занимались в министерстве экономики, какую сферу курировали?

— Газовые месторождения и контракты. — Было заметно, что гостю не очень хочется говорить на подобные темы, но он сознавал, что Дронго легко проверит его ответы. Достаточно найти любого знакомого в Ашхабаде и узнать, чем именно занимался бывший заместитель министра экономики.

— Туркмения занимает второе место в мире по газовым месторождениям, — задумчиво проговорил Дронго. — Тогда все понятно, вы приехали в Москву не самым бедным человеком и не можете простить ашхабадским властям, что вас лишили подобных доходов.

— Возможно, и так, — согласился Пурлиев, неприятно усмехнувшись, — я не могу и не хочу им простить, что они лишили меня Родины на целых десять лет. Лишили общения с родителями и родственниками, которые остались в Туркмении. Я ведь мог стать министром, и все считали, что я буду на этой должности очень компетентным и подготовленным. А из-за всей этой истории мне пришлось бежать из страны. И даже теперь они не могут оставить меня в покое.

— Что именно вы хотите?

— Прежде всего обеспечить безопасность моей семьи, — пояснил Пурлиев, — я готов заплатить любые деньги, чтобы они оставили в покое мою жену и дочь. Я мог бы послать их куда-нибудь в Европу, но боюсь, что их найдут и там. Но самое ужасное, если они уедут, я не смогу поехать с ними, ведь я до сих пор нахожусь в международном розыске. И мне посоветовали обратиться именно к вам. Меня уверяли, что только вы можете решить наши проблемы.

— Интересно, каким образом? Попросить нового главу Туркмении не преследовать вас?

— Не знаю. Но вы, правда, не представляю, каким образом, сможете защитить мою семью. Я прошу вас согласиться на наше сотрудничество и завтра утром приехать ко мне в Жуковку, чтобы мы могли на месте все обговорить.

— Почему ваша страна просто не требует вашей выдачи? — поинтересовался Дронго.

— Это невозможно. Я получил пять лет назад российское гражданство, — пояснил Пурлиев, — и моя семья — тоже граждане России.